

«Шинель» – как Солярис, способна извлекать потаенное с донных слоев души. Для нас, вышедших из гоголевской «Шинели», время войти в нее вновь никогда не проходит.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Вначале был замысел. Замысел был у Роста. В сущности, он – часть самого Юрия Роста, для которого нет писателя важнее Гоголя, а Башмачкин – суть каждого из нас.

РОСТ

Неутомимый странник, естествоиспытатель творческих моделей жизни, Рост придумал поставить «Шинель» на сцене. Роль Башмачкина предложил... Марине Нееловой.

– Женщина Акакий Акакиевич, старик или дитя, не важно, он – существование. Разве у ангела есть пол? Он трудится, он не знает, что он ангел. Только физическая его смерть и вторая жизнь показывают нам, что он – ангел. Но главное, он труженик.

Встречаясь по обе стороны Чистых прудов, то в «Современнике», то в «Конюшне», мастерской Роста, Юрий Михайлович и Марина Мстиславовна сочиняли спектакль, его повороты, детали. Со временем замысел окреп, превратился в концепцию.

– Миссия Башмачкина – утверж-

дение человеческого в этом механическом мире. Мессия вовсе не обязательно должен знать о своей миссии. Это мы знаем, а он нет. Он живет жизнью нормального естественного человека и строит этот мир из букв. (А Господь, собственно, из чего строил мир? В Начале что было?)

Шинель – это Храм, и он строит его из себя, из своих потерь,ожертваний, унижений. Из собственных кирпичей.

Неелова начала грустить и задумываться о воплощении.

И вдруг на кинофестивале в Выборге Юрий Рост встретился с Валерием Фокиным. Разговор естественным образом зашел о Гоголе: Фокин репетировал «Ревизора» в Александринке. Рост рассказал о своей идеи. При словосочетании «Башмачкин-Неелова» (ваш корреспондент тому свидетель) глаза Фокина полыхнули зеленым светом. Блестящая парадоксальность решения оказалась «заразной». С этого момента событие, существовавшее в воображении, двинулось к театральному воссозданию.

Первая репетиция «Шинели» состоялась в Центре имени Мейерхольда 30 ноября.

ФОКИН

Свои отношения с бытием Фокин не впервые будет выяснять с помощью Гоголя. «Шинель» станет его восьмым гоголевским спектаклем. Пожалуй, можно говорить о феномене прочтения, целом мире. Главное в нем – присутствие Необъяснимого, характеры, искривленные иррациональным пространством, одиночество.

Входя в черный квадрат репетиционного зала (черные стены, потолок, стулья), Фокин цепкоглядывается в Неелову, заново ее изучает. Со спектакля «Валентин и Валентина», поставленного им по пьесе Роцкого, некогда началась для Марины Нееловой жизнь и судьба в «Современнике». Вместе они не работали больше двадцати лет. Встретились, когда самым существенным для обоих стало освоение новой территории театра.

Фокин вчера набрасывает партитуру, ход будущего спектакля.

– Для меня главный герой «Шинели» не Башмачкин. Главный герой – пространство. Оно может закрутить, завьюжить, уничтожить. Это наше пространство, мы в нем живем.

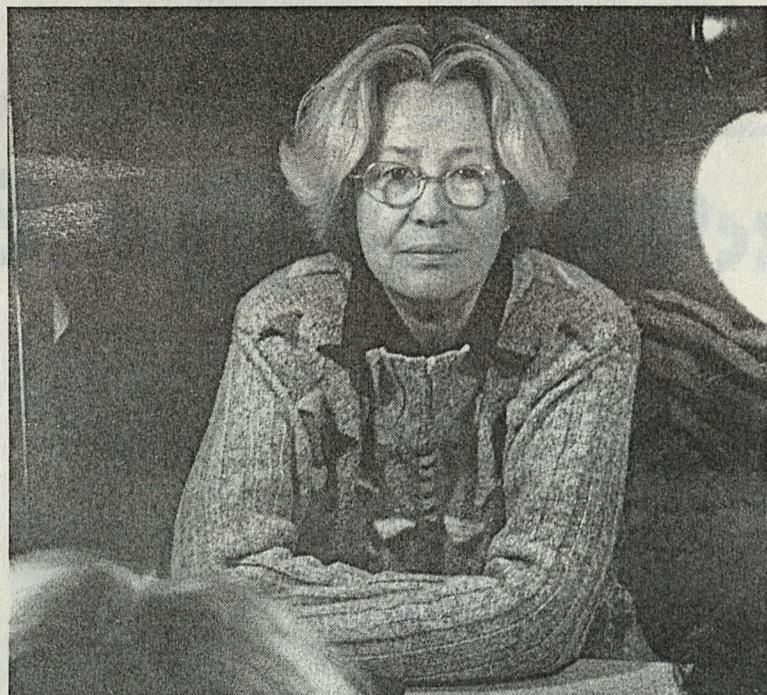
Башмачкин, самый обычный человек, вдруг становится объектом соблазна. Пространство подхватывает его, кружит, швыряет. Шинель материализуется, очеловечивается. Ради нее он идет на жертвы, вырастает, становится личностью. И когда у него все это отнимают, умирает, превращаясь в страшный фантом.

На русской сцене такого не было.

Башмачкин Марине Нееловой и Валерия Фокина призван отчистить от пыли трактовок великую повесть Николая Гоголя. Репетиции «Шинели» в Центре имени Всеволода Мейерхольда начались на прошлой неделе. Наш обозреватель Марина Токарева стала их единственным свидетелем

ЗРИТЕЛЬ

МОСК. Новости. – 2003-15 дек. – с. 27

В гримной без грима снял Юрий РОСТ звезду, уставшую после спектакля

КАК ВОЙТИ В «ШИНЕЛЬ»

Первый кусок, начало: ежедневная, монотонная жизнь. Просыпается, умывается, бормочет что-то... Без слов. А шинель стоит, как памятник, в ней можно войти, жить в ней. И вдруг обнаруживаются дыры: просовывается рука, проваливается нога.

Первый произносимый текст – с Петровичем. Фигура Петровича огромна, не портной – бог, хозяин жизни. Башмачкин говорит, Петрович безмолвствует. Мы не видим его лица, только живот и босые ноги. Он произносит только одну фразу, как удар молнии: «Ничего нельзя сделать. Над новую!» И исчезает. А у Акакия шок, отчаяние, ужас.

Но постепенно мысль о новой шинели становится страстью, овладевает им все больше и больше. Он прикидывает, от чего сможет отказаться: не отдавать стирать белье,ходить на цыпочках, чтобы не изнашивать обувь, голодать. Возникает по-разительная фраза: «Зато духовно сырьи буду!»

Актриса перебивает режиссера:

– Скажи, а как шинели соразмеряются по величине, старая и новая?

– Новая меньше. Нужно, чтобы она могла его запахнуть, обнять и в какой-то момент от него отделиться.

– Но тогда старая будет превалировать?

– И хорошо! Она – конура, знак старой жизни. А новая – любовь! Она живет, двигается. Во второй части должен быть бал – во дворце, на Неве, шинель в самой гуще, танцует!

Для спектакля сценограф Александр Боровский придумал стеклянную, в изморози, стену, за нею сложное движение теней.

Об эту стеклянную стену Башмачкин будет биться, когда произойдет его перевоплощение. Начнется буря, страшная какофония звуков, крики – и сквозь все это надо всем прозвучит: за что вы меня обижаете, я ведь брат ваш.

– У Лермонтова есть фраза, которая меня всегда поражала: «... и пусть меня накажет тот, кто изобрел мое рожденье!» Такой счет, такая гордость! Мы ведь существуем – и Гоголь все время напоминает нам об этом – по меньшей мере в двух слоях. Бытовом и каком-то ином, где есть взгляд на нас – сверху, сбоку. «Шинель» – об этом.

В нынешнем году Фокин тоже примерил новую «шинель», став художественным руководителем петербургской Александринки. Того самого театра, в котором Гоголь читал «Ревизора» и в котором среди многих темней затерялась эта, длинноносая, странная.

НЕЕЛОВА

...Неелова натягивает на голову чулок. И вместе с пышными волосами

разом скрывается победительная женственность. На место примадонны русской сцены является бесполое существо: белые пушистые брови (обесцвеченные, чтобы легче было нарисовать любую, нужную для роли линию), беззащитно-трогательные оттопыренные уши, лицо с кулаком. Художественная смелость актрисы, готовой отринуть свой пол и облик, похоже, безгранична.

– Чем дальше от себя, тем интереснее. Счастье моей профессии – побег от себя. В жизни ты не можешь, как Акакий Акакиевич, быть одновременно и не женщиной, и не мужчиной, стариком и ребенком в одном лице. Только на сцене. Тут проживаешь то, что тебе никогда не будет дано в действительности. В этом случае дистанция – огромная. Но и пересечения есть.

«Странные сближения» в самом деле существуют. У Калинкина моста в Петербурге, где, потеряв шинель, метался несчастный Башмачкин, Неелова провела юность. В буфете, пока мы ждем супа, она вспомнит: ее заставляли переписывать всю тетрадь прописей, если хоть одна буква была выведена не идеально. Образцовые работы по чистописанию первоклассницы Марина Нееловой лежали на школьной выставке. И как для Башмачкина мир состоит из букв, так для Нееловой – из подробностей, деталей, ощущений – всего, что может понадобиться для игры.

– Ты никогда не знаешь ключа, которым открывается дверь! Когда я работаю над ролью, я придумываю все: внешность, поведение, привычки. Складываешь, строишь. Постоянно следишь за собой и за всем, что происходит.

Однажды на похоронах подходит ко мне дочь покойного. Улыбается, но зубы стучат так, что не может говорить. Машинно произношу что-то и одновременно отмечаю: да, и так может быть! И съезд़я за себя – у человека горе, а я за них наблюдаю: какой бывает реакция при утрате... Эта способность взгляда брать все, что пригодится, может казаться жестокой, даже циничной, но она – часть меня.

Стать Башмачкиной Нееловой должен помочь не только талант – тип отношений с реальностью. Марина Неелова в жизни будто и не знакома с Мариной Нееловой на сцене. Между ее безжалостной самооценкой и впечатлением, производимым на окружающих, нет никаких точек схождения. Закрытая до надменности, вежливая до неуловимости, колющая Неелова – робка и стеснительна. Страх и сомнения – ее вечные спутники.

«Брунда, поза!» – скажет недоверчивый читатель-зритель. В самом

деле, странно допустить, что создательница Елизаветы Английской, Любови Раневской, Александры дель Лаго, этой сладкоголосой птице вечной юности, знакома неуверенность. Но взгляните на Неелову вне сцены: летучая походка, вечно озябшая спина и взгляд за стеклами очков – отважно-несчастливый. Мало найдется людей, способных судить себя так беспощадно. Главный груз Марины Нееловой – она сама.

– Боюсь любой роли, этой особенной. Есть рассказ про американского космонавта, который был на Луне. Вернувшись, он однажды вышел на балкон, увидел Луну и потерял сознание. Вдруг осознал, что был там! Отсутствие страха, я думаю, это отсутствие фантазии.

Слышь: Акакий – и у меня вздрогивает внутри. Как у лошади бывает: что-то будто пробежит под кожей. Так начинается роль: дрожь, ужас, состояние, похожее на влюбленность.

...Она надевает бесформенные штаны и рубаху, опускается на пол и замирает, похожая на странного зверя. Чертит в воздухе слово. Медленно, наслаждаясь, выводит каждую линию, то хмуриясь, то радуясь. Степень концентрации внутренней жизни такая, что заставляет следить неотрывно, затаив дыхание. Вдруг Фокин заставляет очнуться:

– Вот-вот, именно так! Двенадцать минут!

Показалось – две.

– Иногда думаю: может, и достаточно уже, наиспытала. Надо дома посидеть тихонечко, в углу, в круглых очечках, кремом намазаться, книжечку взять... Сажусь. И дочь-ешина тут же говорит: «Как ты, мамунчик, по-нищенски сидишь. Бомжуешь, мамунчик?!»

В этом сезоне Марина Неелова «бомжует» то в Москве, то в Гааге. Играет новую роль в жизни. Супруга посла России в государстве Нидерланды должна уметь вести дом, поддерживать диалог с королевскими особами, быть украшением приемов. Впрочем, жен, способных сыграть Башмачкина, у российских дипломатов еще не бывало.

– Больше всего я хочу, чтобы Фокин вывернул меня наизнанку. Как перчатку!

Крупнейший мастер по созданию иллюзий на сцене и виртуоз по их разрушению в жизни, Неелова сегодня пускается, может быть, в самое трудное из своих «путешествий».

...«Шинель» – как Солярис, способна извлекать потаенное с донных слоев души. Одного она заставляет строить Храм. В другом – обостряет ужас богооставленности. Для нас, вышедших из гоголевской «Шинели», время войти в нее вновь никогда не проходит.

из гоголевской «Шинели»,
время войти в нее вновь
никогда не проходит».

эксперимент

Вначале был замысел. Замысел был у Роста. В сущности, он – часть самого Юрия Роста, для которого нет писателя важнее Гоголя, а Башмачкин – суть каждого из нас.

РОСТ

Неутомимый странник, естествоиспытатель творческих моделей жизни, Рост придумал поставить «Шинель» на сцене. Роль Башмачкина предложил... Марине Нееловой.

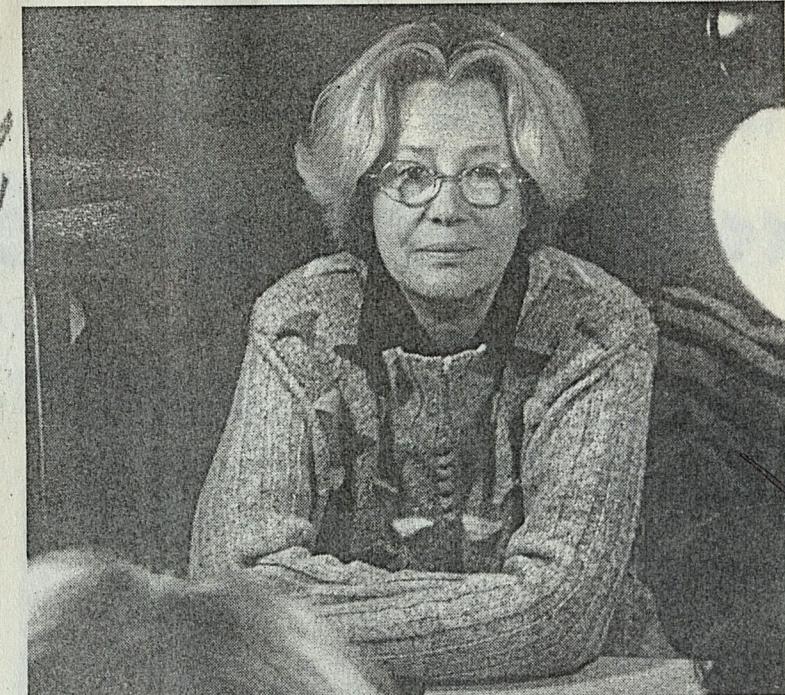
– Женщина Акакий Акакиевич, старик или дитя, не важно, он – существо. Разве у ангела есть пол? Он трудится, он не знает, что он ангел. Только физическая его смерть и вторая жизнь показывают нам, что он – ангел. Но главное, он труженик.

Встречаясь по обе стороны Чистых прудов, то в «Современнике», то в «Конюшне», мастерской Роста, Юрий Михайлович и Марина Мстиславовна сочиняли спектакль, его повороты, детали. Со временем замысел окреп, превратился в концепцию.

– Миссия Башмачкина – утверж-

Моск. новости. – 2003-15 дек - с. 27
29

**На русской
сцене такого
не было.
Башмачкин Марины
Нееловой
и Валерия Фокина
призван
отчистить от пыли
трактовок
великую повесть
Николая Гоголя.
Репетиции «Шинели»
в Центре имени
Всеволода
Мейерхольда
начались
на прошлой неделе.
Наш обозреватель
Марина Токарева
стала их
единственным
свидетелем**

В гримерной без грима снял Юрий РОСТ звезду, уставшую после спектакля

Юрий
Валерий

15.12.03

как войти в «Шинель»

дение человеческого в этом механическом мире. Мессия вовсе не обязательно должен знать о своей миссии. Это мы знаем, а он нет. Он живет жизнью нормального естественного человека и строит этот мир из букв. (А Господь, собственно, из чего строил мир? В Начале что было?)

Шинель – это Храм, и он строит его из себя, из своих потерь,ожертвований, унижений. Из собственных кирпичей.

Неелова начала грустить и задумываться о воплощении. И опять на кинофестивале в Вн-

Первый кусок, начало: ежедневная, монотонная жизнь. Просыпается, умывается, бормочет что-то... Без слов. А шинель стоит, как памятник, в ней можно войти, жить в ней. И вдруг обнаруживаются дыры: просовывается рука, проваливается нога.

Первый произносимый текст – с Петровичем. Фигура Петровича огромна, не портной – бог, хозяин жизни. Башмачкин говорит, Петрович безмолвствует. Мы не видим его лица, только живот и босые ноги. Он произносит только одну фразу, как удар молнии: «Ничего нельзя сделать. На-по новую!» И исчезает. А у Акакия

разом скрывается победительная женственность. На место примадонны русской сцены является бесполое существо: белые пушистые брови (обесцвеченные, чтобы легче было нарисовать любую, нужную для роли линию), беззащитно-трогательные оттопыренные уши, лицо с кулаком. Художественная смелость актрисы, готовой отринуть свой пол и облик, похоже, безгранична.

– Чем дальше от себя, тем интереснее. Счастье моей профессии – побег от себя. В жизни ты не можешь, как Акакий Акакиевич, быть одновременно и не женщиной, и не

деле, странно допустить, что создательница Елизаветы Английской, Любови Раневской, Александры дель Лаго, этой сладкоголосой птице вечной юности, знакома неуверенность. Но взгляните на Неелову вне сцены: летучая походка, вечно озябшая спина и взгляд за стеклами очков – отважно-несчастливый. Мало найдется людей, способных судить себя так беспощадно. Главный груз Марины Нееловой – она сама.

– Боюсь любой роли, этой особенно. Есть рассказ про американского космонавта, который был на Луне. Вернувшись, он однажды вы-